

KZN.tat

Повсюду Казань, Жень,
Куда ни пойдешь, Леш.
И даже в Париж, Миш,
Ты тащишь Казань, Ань.
Не нужно у касс час
Сто первый стоять раз.
С вокзала Казань Пасс
Везут до Казань Пасс.
Ты можешь хотеть в Рим.
Ты можешь лететь в Крым.
Снимай, пилигрим, грим:
Не скрывать под ним.
Что в сумке твоей, гость?
Татарских молитв горсть?
Казанских дворов гроздь?
Зилантова кость?
Хоть вовсе не пей чай,
Хоть чаянья свои чай,
Ты в этот пророс край
По самый тукай.

ЛИВЕНЬ

Адамы под навесами
торчат, окоченев:

под хлябями небесными
хрен догребешь до ев.
Распутица, бескормица,
в Эдеме дождь стеной –
а Ной все не торопится
Кон-Тики строить свой.
А Ной все ждет знамения –
и лишь отсрочке рад
угревшийся в расщелине
непарный шелкопряд.
Забыл соблазна навыки
Змей, погруженный в сон, –
И тяжелеют яблоки,
и падают в Гихон.

Шамбала

Мы, жители Шамбалы, тайной страны,
мельчаем в панельных ашрамах, но сны
нас делают выше;
мы сами себе не рабы, не цари,
а царь наш – Сучандра, как мы говорим,
пока он не слышит.
В часы медитаций уйдя далеко,
брахманы постигли, что нет ничего
прекрасней свободы –
и, видя с мигалкой кортеж колесниц,
мы так же по-прежнему падаем ниц –
но дерзко и гордо.
Нам, неприкасаемым, знать застит взор.
Надсадно Сансары скрипит колесо,
вращаясь на месте.
Репризой не вытянуть старый сюжет,
ведь ставит до боли родной шамбалет
наш шамбалетмейстер.
Давно уже черви проели закон –
одну кама-сутру мы помним с пелен,
зато досканально.
Когда же нас ночью теснит пустота,
целительный чай отверзает врата

и гонит печаль, но
едва ли поможет священный отвар,
когда на заборе поверх старых мантр
лишь новые мантры.

Утрачено все искусство письма:
искусственным мозгом забиты дома
по самые чакры.

Луч солнечный редко доходит сюда
и часто такие стоят холода,
что ёжатся йоги.

К нам путь переменчив и скользок, как ложь,
а если случайно ты нас и найдешь –
не вспомнишь дороги.

pro amor

Клеить бабу учили в подъезде.
Рыжий Вовка по кличке «Тулуп»
был в немыслимом авторитете
и плевал через выбитый зуб.

На невытые уши пацанские
ровным слоем ложилась лапша,
но методика той аппликации
до сих пор в наших душах свежа.
Был доходчив спецкурс корифея,
а греховные тайны – просты.

Наши, ерзя по батарее,
как в геенне, горели зады.

"...есть такие: не знают покоя,
так и тащат за шкурку в постель!"

– на романтике улиц настоен
заблуждений пьянящий коктейль.
Сколько ж трещин и сколько царапин
на бесчисленных гранях таит,
миллионами пальцев залапан,
той бесстыжей науки гранит!
Ток незамысловатой интриги.
Тусклый свет. Вкус чужих папирос.
Нет, стратеги подъездных блицкригов
не забыли своих барбаросс!

Помним, что говорить, обнимая.
Брать умеем, не глядя в глаза.
Только как расставаться – не знаем:
что-то Вовка недорассказал.

Тонко-тонко, тихо-тихо
у окна строчит пичуга;
зверь паук плетет интригу;
спит беспечная округа.
Зарастают паутиной
звезд бессмысленные гроздья;
гости в комнате гостиной
завелись и не уходят.
Над столом парит спиртное
и окурок в грязной чашке;
чей-то муж с ничьей женою
мне расскажут на ночь сказку,
увлекательную повесть
о живых и тех, кто помер, –
вот ведь как бывает! –
то есть,
обо всем на свете, кроме.
Будет он шутить нескладно,
а она смотреть устало.
Грянет полночь и кантата
для нетрезвого вокала.
После будет гость неправ, но
буду я великодушен.
А потом я стану плавным
и засну под теплым душем.
И дождя аплодисменты
шелестеть начнут негромко
да пружины петь за стенкой –
тихо-тихо. Тонко-тонко.